

Сцена из второго акта пьесы А. М. Горького «Достигаев и другие» в постановке народного артиста СССР орденоснца Л. М. Леонидова. Слева направо: артист В. К. Носович в роли Пропоега, артистка А. П. Георгиевская в роли Таисии и заслуженная артистка республики В. Н. Полова в роли Глафиры.

Из прошлого Художественного театра

Весной 1901 года молодой Художественный театр в первый раз приехал в Петербург показать себя. Слава предшествовала ему. И он сразу завоевал петербуржцев.

Первый спектакль, который я видел, был «Доктор Штокман» с Станиславским в заглавной роли. Это была одна из тех радостей, за которые на все дни остаешься благодарен жизни. И до сих пор я никак не могу соединить в своем представлении образ Станиславского с созданным им образом доктора Штокмана. Станиславский — гигант, с медленным движением, с медлительною речью. А на сцене был маленький (да, да, маленький, я это ясно видел), маленький, суетливый, сгорбленный старичок с быстрой походкой, с страшной манерой держать опущенную вниз правую руку с вытянутыми двумя пальцами. Это был человек, существовавший совершенно отдельно от Станиславского. Юродивая улыбка про себя, очки на очень близоруких глазах, — о, он ничего не видит кругом, видит только решую перед его глазами правду! Улыбка и в то же время ребенка, навзрыд чужак, постоянно вырывающий улыбку. На народном собрании он говорит боевую свою речь, — и вдруг такая естество:

— В домах, где не подметают ежедневно полов, — Катерина, моя жена, уверяет даже, что их нужно ежедневно мыть, но это уже вещь спорная, — в таких домах люди в два-три года теряют способность нравственно мыслить и действовать!

Доктор Штокман сделал открытие, что минеральные воды, которые составляют богатство города, загрязнены бактериями и что все предприятие нуждается в коренной пере-

◆
В. ВЕРЕСАЕВ
◆

стройке. Но это грозит совершенно подорвать интересы акционеров и всего города вообще. Доктор Штокман собирается опубликовать свое открытие. Этим решением он объявляет прямую войну «слочечному большинству» городских собственников и акционеров. Жена его в ужасе, она указывает ему на мальчиков-сыновей:

— Что будет с ними? Что ты хочешь сделать?

И он коротко, решительно отрубает:

— Я хочу охранять за собой право смотреть моим мальчикам прямо в глаза!.

Время в Петербурге было горячее. 4 марта 1901 года произошла знаменитая демонстрация на площади Казанского собора. Когда демонстрирующие студенты собрались, то опрятная в соседних домах конная полиция выскочила на площадь, окружила толпу и стала топтать ее лошадыми и избивать нагайками. Отвратительная бойня эта вызвала всеобщее возмущение. Воздух был насыщен революционным электричеством, все кипело и бурлило. Даже газета «Новое время», выступившая, как всегда, на защиту властей и наговарившая кучу гнусностей по адресу взбунтовавшегося времени демонстрации, — даже «Новое время», в первый, кажется, раз за все многолетнее свое существование, почувствовало силу общественного осуждения и несколько растерялось.

Ничего, вазадось бы, изободительного нельзя было найти в «Докторе Штокмане». Однако то и дело в пьесе неожиданно выплывали словечки и положения, как будто прямо намекавшие на современность. И публика бешеными рукоплесканиями и смехом подчеркивала эти места. Спектакль превратился в сплошную демонстрацию.

В пятом действии доктор Штокман, поматый «слочечным большинством» за его речь на народном собрании, сокрушенно рассматривает дыру на своих новых брюках и сентенциозно замечает:

— Когда идешь защищать дело справедливости и свободы, никогда не следует надевать нового платья!

Хохот и рукоплескания: яркий намек на полицейские нагайки, от которых пострададо далеко не одно только платье бывших на Кавальской площади.

В том же пятом действии к доктору Штокману являются редактор местной газеты Гаушгад и издатель ее Аслаксен — продажные души, всегда готовые держать нос по ветру. Они предлагают доктору Штокману еступить с ними в гнусную слежку. Он в негодовании бросается на них с вонтиком и выгоняет вон.

Рукоплескания, смех и неожиданные крики:

— Суворин! Суворин!

Суворин, издатель «Нового времени», был в театре, и публика это знала. Сначала он не поиял, удивленно в своей ложе поднял голову, — и вдруг страшно побледнел. Публика продолжала иронически рукоплескать и кричать:

— Суворин! Суворин!

Он поспешил исчезнуть из театра.